

**ФРИДРИХ
ПЛАТТЕН**

**ДЖОН
РИД**

**ГЕРБЕРТ
УЭЛЛС**

ЛЕНИН

ВОЖДЬ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Вожди Советского Союза

Герберт Уэллс

**Ленин. Вождь мировой
революции (сборник)**

«Алисторус»

2012

Уэллс Г. Д.

Ленин. Вождь мировой революции (сборник) / Г. Д. Уэллс —
«Алисторус», 2012 — (Вожди Советского Союза)

С 1917 года и до нашего времени во всем мире не ослабевает интерес к личности В.И. Ленина. Несмотря на порой полярную оценку его политики, никто не отрицает, что это был государственный деятель мирового масштаба. Революционер, основатель Советского государства, председатель Совета Народных Комиссаров (правительства) РСФСР, идеолог и создатель Третьего (Коммунистического) интернационала, – Ленин вызывал пристальное внимание уже у своих современников. В книге, представленной ныне читателям, своими впечатлениями о встречах с В.И. Лениным делятся швейцарский социалист Ф. Платтен, приехавший вместе с Лениным в Россию в 1917 году, американский журналист Д. Рид, свидетель Октябрьской революции, и английский писатель Г. Уэллс, совершивший поездку в Россию в 1920 году. Они приводят много интересных подробностей о В.И. Ленине, оценивают его деятельность как вождя русской и мировой революции.

© Уэллс Г. Д., 2012

© Алисторус, 2012

Содержание

Вместо предисловия	5
Возвращение Ленина из эмиграции в Россию	10
История вопроса	10
Подготовка к возвращению в Россию русских эмигрантов	14
Действия Ленина по подготовке к возвращению в Россию	18
Переезд Ленина в Россию	23
Приложение	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Герберт Уэллс, Джон Рид, Фридрих Платтен Ленин. Вождь мировой революции

Нужно быть сумасшедшим, чтобы не признать величия Ленина. Собрать в единое целостное государственное образование Россию, погрязшую в анархии, подстерегаемую со всех сторон контрреволюционерами, до смерти вымотанную – это достижение, равное которому вряд ли можно найти в истории.

**К. Каутский, немецкий
экономист, историк и публицист**

Вместо предисловия

Ленин был типически русский человек. В его характерном, выразительном лице было что-то русско-монгольское. В характере Ленина были типически русские черты и не специально интеллигенции, а русского народа: простота, цельность, грубоватость, нелюбовь к прикрасам и к риторике, практичность мысли, склонность к нигилистическому цинизму на моральной основе. По некоторым чертам своим он напоминает тот же русский тип, который нашел себе гениальное выражение в Л. Толстом, хотя он не обладал сложностью внутренней жизни Толстого. Ленин сделан из одного куска, он монолитен. Роль Ленина есть замечательная демонстрация роли личности в исторических событиях. Ленин потому мог стать вождем революции и реализовать свой давно выработанный план, что он не был типическим русским интеллигентом. В нем черты русского интеллигента-сектанта сочетались с чертами русских людей, собиравших и строивших русское государство. Он соединял в себе черты Чернышевского, Нечаева, Ткачева, Желябова с чертами великих князей московских, Петра Великого и русских государственных деятелей деспотического типа. В этом оригинальность его физиономии. Ленин был революционер-максималист и государственный человек. Он соединял в себе предельный максимализм революционной идеи, тоталитарного революционного мирозерцания с гибкостью и оппортунизмом в средствах борьбы, в практической политике. Только такие люди успевают и побеждают. Он соединял в себе простоту, прямоту и нигилистический аскетизм с хитростью, почти с коварством. В Ленине не было ничего от революционной богемы, которой он терпеть не мог. В этом он противоположен таким людям, как Троцкий или Мартов, лидер левого крыла меньшевиков.

В своей личной жизни Ленин любил порядок и дисциплину, был хороший семьянин, любил сидеть дома и работать, не любил бесконечных споров в кафе, к которым имела такую склонность русская радикальная интеллигенция. В нем не было ничего анархического, и он терпеть не мог анархизма, реакционный характер которого он всегда изобличал.

Он терпеть не мог революционной романтики и революционного фразерства. Будучи Председателем Совета Народных Комиссаров, вождем советской России, он постоянно изобличал эти черты в коммунистической среде.

Он громил коммунистическое чванство и коммунистическое вранье.

Он восставал против «детской болезни левизны» в коммунистической партии. В 1918 году, когда России грозил хаос и анархия, в речах своих Ленин делает нечеловеческие усилия дисциплинировать русский народ и самих коммунистов.

Он призывает к элементарным вещам, к труду, к дисциплине, к ответственности, к знанию и к учению, к положительному строительству, а не к одному разрушению, он громит рево-

люционное фразерство, обличает анархические наклонности, он совершает настоящие заклинания над бездной.

И он остановил хаотический распад России, остановил деспотическим, тираническим путем. В этом есть черта сходства с Петром.

Ленин проповедовал жестокою политику, но лично он не был жестоким человеком.

Он не любил, когда ему жаловались на жестокости Чека, говорил, что это не его дело, что это в революции неизбежно. Но сам он, вероятно, не мог бы управлять Чека. В личной жизни у него было много благодушия. Он любил животных, любил шутить и смеяться, трогательно заботился о матери своей жены, которой часто делал подарки.

* * *

Ленин настаивал на оригинальном, национально-своеобразном характере русской революции. Он всегда говорил, что русская революция будет не такой, какой представляли ее себе доктринеры марксизма. Этим он всегда вносил корректив к марксизму. И он построил теорию и тактику русской революции и осуществил ее. Он обвинял меньшевиков в педантическом следовании марксизму и отвлеченном перенесении его принципов на русскую почву. Ленин не теоретик марксизма, как Плеханов, а теоретик революции. Все, что он писал, было лишь разработкой теории и практики революции. Он никогда не разрабатывал программы, он интересовался лишь одной темой, которая менее всего интересовала русских революционеров, темой о захвате власти, о стяжании для этого силы. Поэтому он и победил.

Ленин верил, что мир вступил в эпоху пролетарских революций. Но он был русский и делал революцию в России, стране совсем особой. Он обладал исключительной чуткостью к исторической ситуации. Он почувствовал, что его час настал, настал благодаря войне, перешедшей в разложение старого строя. Нужно было сделать первую в мире пролетарскую революцию в крестьянской стране. И он почувствовал себя свободным от всякого марксистского доктринерства, с которым ему надоедали марксисты-меньшевики. Он провозгласил рабоче-крестьянскую революцию и рабоче-крестьянскую республику. Он решил воспользоваться крестьянством для пролетарской революции, и он успел в этом деле, столь смущавшем марксистов-доктринеров. Ленин совершил прежде всего аграрную революцию, воспользовавшись многим, что раньше утверждали социалисты-народники.

В 1917 году, т. е. через пятнадцать лет после книги «Что делать?», Ленин пишет книгу «Государство и революция» – быть может, самое интересное из всего им написанного. В этой книге Ленин начертал план организации революции и организации революционной власти, план, рассчитанный на долгое время. Замечательно не то, что он этот план начертил, замечательно то, что он его осуществил, он ясно предвидел, каким путем все пойдет. В этой книге Ленин строит теорию роли государства в переходный период от капитализма к коммунизму, который может быть более или менее длителен. Этого у самого Маркса не было, который не предвидел конкретно, как будет осуществляться коммунизм, какие формы примет диктатура пролетариата.

Из Маркса можно было сделать анархические выводы, отрицающие государство совсем. Ленин решительно восстает против этих анархических выводов, явно неблагоприятных для организации революционной власти, для диктатуры пролетариата. В будущем государство действительно должно отмереть за ненадобностью, но в переходный период роль государства должна еще более возрасти. Диктатура пролетариата, т. е. диктатура коммунистической партии, означает государственную власть более сильную и деспотическую, чем в буржуазных государствах. Согласно марксистской теории государство всегда было организацией классового господства, диктатурой господствующих классов над классами угнетенными и эксплуатируемыми. Государство отомрет и окончательно заменится организованным обществом после

исчезновения классов. Государство существует, пока существуют классы. Но полное исчезновение классов происходит не сразу после победы революционного пролетариата.

Ленин совсем не думал, что после октябрьской революции в России окончательно осуществится коммунистическое общество. Предстоит еще подготовительный процесс и жестокая борьба. Во время этого подготовительного периода, когда общество не стало еще совершенно бесклассовым, государство с сильной централизованной властью нужно для диктатуры пролетариата над буржуазными классами, для их подавления.

Ленин говорит, что «буржуазное» государство нужно уничтожить путем революционного насилия, вновь же образовавшееся «пролетарское» государство постепенно отомрет, по мере осуществления бесклассового коммунистического общества. В прошлом было подавление пролетариата буржуазией, в переходный период пролетарского государства, управляемого диктатурой, должно происходить подавление буржуазии пролетариатом. В этом периоде чиновники будут исполнять приказы рабочих.

Ленин опирается в своей книге, главным образом, на Энгельса и постоянно его цитирует. «Пока пролетариат еще нуждается в государстве, он нуждается в нем не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников», пишет Энгельс Бебелю в 1875 году. Тут Энгельс является явным предшественником Ленина. По Ленину, демократия совсем не нужна для пролетариата и для осуществления коммунизма. Она не есть путь к пролетарской революции. Буржуазная демократия не может эволюционировать к коммунизму, буржуазное демократическое государство должно быть уничтожено для осуществления коммунизма.

* * *

Русская коммунистическая революция в значительной степени была определена войной. Весь стиль русского и мирового коммунизма вышел из войны. Если бы не было войны, то в России революция все-таки в конце концов была бы, но, вероятно, позже, и была бы иной. Неудачная война создала наиболее благоприятные условия для победы большевиков. Русские по характеру своему склонны к максимализму, и максималистический характер русской революции был очень правдоподобен. Противоположения и расколы достигли в России максимального напряжения. Но только атмосфера войны создала у нас тип победоносного большевизма, выдвинула новый тип большевика-победителя и завоевателя.

Именно война с ее навыками и методами переродила тип русской интеллигенции. Методы войны перенесены были внутрь страны. Появился новый тип милитаризованного молодого человека. В отличие от старого типа интеллигента, он гладко выбритый, подтянутый, с твердой и стремительной походкой, он имеет вид завоевателя, он не стесняется в средствах и всегда готов к насилию, он одержим волей к власти и могуществу, он пробивается в первые ряды жизни, он хочет быть не только разрушителем, но и строителем и организатором. Только с таким молодым человеком из крестьян, рабочих и полуинтеллигенции можно было сделать коммунистическую революцию. Ее нельзя было сделать с мечтателем, сострадательным и всегда готовым пострадать, типом старой интеллигенции.

Нет ничего ужаснее разлагающейся войны, разлагающейся армии и притом колоссальной, многомиллионной армии. Разложение войны и армии создает хаос и анархию. Россия поставлена была перед таким хаосом и анархией. Старая власть потеряла всякий нравственный авторитет. В нее не верили, и во время войны авторитет ее еще более пал. В патриотизм правительства не верили и подозревали его в тайном сочувствии немцам и желании сепаратного мира.

Новое либерально-демократическое правительство, которое пришло на смену после февральского переворота, провозгласило отвлеченные гуманные принципы, отвлеченные начала права, в которых не было никакой организующей силы, не было энергии заражающей массы.

Временное правительство возложило свои надежды на учредительное собрание, идее которого было доктринерски предано, оно в атмосфере разложения, хаоса и анархии хотело из благородного чувства продолжать войну до победного конца, в то время как солдаты готовы были бежать с фронта и превратить войну национальную в войну социальную.

Положение временного правительства было настолько тяжелым и безысходным, что вряд ли можно его строго судить и обвинять. Принципы демократии годны для мирной жизни, да и то не всегда, а не для революционной эпохи. В революционную эпоху побеждают люди крайних принципов, люди склонные и способные к диктатуре. Только диктатура могла остановить процесс окончательного разложения и торжества хаоса и анархии. Нужно было взбунтовавшимся массам дать лозунги, во имя которых эти массы согласились бы организоваться и дисциплинироваться, нужны были заражающие символы. В этот момент большевизм, давно подготовленный Лениным, оказался единственной силой, которая, с одной стороны, могла докончить разложение старого и, с другой стороны, организовать новое. Только большевизм оказался способным овладеть положением, только он соответствовал массовым инстинктам и реальным соотношениям.

Большевизм воспользовался всем для своего торжества. Он воспользовался бессилием либерально-демократической власти, негодностью ее символики для скрепления взбунтовавшейся массы. Он воспользовался свойствами русской души, во всем противоположной секуляризированному буржуазному обществу, ее религиозностью, ее догматизмом и максимализмом, ее исканием социальной правды и царства Божьего на земле, ее способностью к жертвам и к терпеливому несению страданий, но также к проявлениям грубости и жестокости, воспользовался русским мессианизмом, всегда остающимся, хотя бы в бессознательной форме, русской верой в особые пути России.

Он соответствовал отсутствию в русском народе римских понятий о собственности и буржуазных добродетелях, соответствовал русскому коллективизму, имевшему религиозные корни. Он воспользовался крушением патриархального быта в народе и разложением старых религиозных верований. Он также начал насильственно насаждать сверху новую цивилизацию, как это в свое время делал Петр. Он отрицал свободы человека, которые и раньше неизвестны были народу, которые были привилегией лишь верхних культурных слоев общества и за которые народ совсем и не собирался бороться. Он провозгласил обязательность целостного, тоталитарного мирозерцания, господствующего вероучения, что соответствовало навыкам и потребностям русского народа в вере и символах, управляющих жизнью. Русская душа не склонна к скептицизму и ей менее всего соответствует скептический либерализм. Народная душа легче всего могла перейти от целостной веры к другой целостной вере, к другой ортодоксии, охватывающей всю жизнь.

* * *

Россия перешла от старого средневековья, минуя пути новой истории, с их секуляризацией, дифференциацией разных областей культуры, с их либерализмом и индивидуализмом, с торжеством буржуазии и капиталистического хозяйства. Пало старое священное русское царство и образовалось новое, тоже священное царство, обратная теократия. Произошло удивительное превращение. Марксизм, столь не русского происхождения и не русского характера, приобретает русский стиль, стиль восточный, почти приближающийся к славянофильству. Даже старая славянофильская мечта о перенесении столицы из Петербурга в Москву, в Кремль, осуществлена красным коммунизмом. И русский коммунизм вновь провозглашает старую идею славянофилов и Достоевского – «ex Oriente lux». Из Москвы, из Кремля исходит свет, который должен просветить буржуазную тьму Запада.

В своих грандиозных, всегда планетарных планах коммунизм воспользовался русской склонностью к прожектерству и фантазерству, которые раньше не могли себя реализовать, теперь же получили возможность практического применения. Ленин хотел победить русскую лень, выработанную барством и крепостным правом, победить Обломова и Рудина, лишних людей. И это положительное дело по-видимому ему удалось...

Вместо Третьего Рима в России удалось осуществить Третий Интернационал, и на Третий Интернационал перешли многие черты Третьего Рима. Третий Интернационал есть тоже священное царство и оно тоже основано на ортодоксальной вере. На Западе очень плохо понимают, что Третий Интернационал есть не Интернационал, а русская национальная идея. Это есть трансформация русского мессианизма.

Западные коммунисты, примыкающие к Третьему Интернационалу, играют унижительную роль. Они не понимают, что присоединяясь к Третьему Интернационалу, они присоединяются к русскому народу и осуществляют его мессианское призвание. Я слышал, как на французском коммунистическом собрании один французский коммунист говорил: «Маркс сказал, что у рабочих нет отечества, это было верно, но сейчас уже не верно, они имеют отечество — это Россия, это Москва, и рабочие должны защищать свое отечество». Это совершенно верно и должно было бы быть всеми создано.

Произошло то, чего Маркс и западные марксисты не могли предвидеть, произошло как бы отождествление двух мессианизмов, мессианизма русского народа и мессианизма пролетариата. Русский рабоче-крестьянский народ есть пролетариат, и весь мировой пролетариат, от французов до китайцев, делается русским народом, единственным в мире народом.

Это мессианское сознание, рабочее и пролетарское, сопровождается почти славянофильским отношением к Западу. Запад почти отождествляется с буржуазией и капитализмом. Национализация русского коммунизма, о которой все свидетельствуют, имеет своим источником тот факт, что коммунизм осуществляется лишь в одной стране, в России, и коммунистическое царство окружено буржуазными, капиталистическими государствами. Коммунистическая революция в одной стране неизбежно ведет к национализму и националистической международной политике. Мы, например, видим, что советское правительство гораздо более сейчас интересуется связями с французским правительством, чем связями с французскими коммунистами.

Только Троцкий остается интернационалистом, продолжает утверждать, что коммунизм в одной стране не осуществим, и требует мировой революции. Поэтому он и был извергнут, оказался ненужным, не соответствующим конструктивному национальному периоду коммунистической революции.

В советской России сейчас говорят о социалистическом отечестве и его хотят защищать, во имя его готовы жертвовать жизнью. Но социалистическое отечество есть все та же Россия и в России, может быть впервые, возникает народный патриотизм. Поражение советской России было бы и поражением коммунизма, поражением мировой идеи, которую возвещает русский народ.

Н.А. Бердяев (из работы «исток и смысл русского коммунизма»)

Возвращение Ленина из эмиграции в Россию

Фридрих Платтен

— Не является ли Ленин немецким провокатором?

— Нет, Ленин человек неподкупный. Это фанатик, но необыкновенно честный, внушающий к себе всеобщее уважение.

— В таком случае он еще более опасен.

Из книги «Россия накануне революции»

*Мориса Палеолога — французского
посла в России в 1914—1917 гг.*

История вопроса

Всем исследователям современности, всем будущим историкам российской революции, всем биографам Ленина придется остановиться специально на вопросе о том, при каких условиях совершился переезд Ленина в Россию, и также вообще на вопросе, какое значение для судеб русской революции имело возвращение русских эмигрантов. Вокруг приезда Ленина уже сложились целые легенды. Деятельность Ленина и вернувшихся с ним товарищей была столь колоссальна по своим последствиям, она имела столь огромное историческое значение, что не покажется излишней попытка дать по возможности полное и основанное на документальных данных описание того, каким образом Ленину удалось в апреле 1917 года переехать через Германию в Россию.

О возвращении Ленина в Россию в 1917 году через враждебную ей Германию в свое время были опубликованы краткие сообщения товарищами Крупской, Радеком, Гильбо и мною. Я поэтому задавал себе вопрос, имеет ли смысл и представляется ли вообще необходимым опубликовать более обширную работу по истории переезда в Россию русских эмигрантов, живших в Швейцарии, в частности о переезде товарища Ленина. Я решился на это из следующих соображений.

Ни одна из вышеупомянутых статей не давала полной картины событий. Это были лишь моментальные снимки, вырванные из общей связи. За исключением книги Гильбо, ни одна из них не была основана на документах того времени. Однако решающим для меня было данное мною в 1919 году Ленину обещание опубликовать в ближайшем будущем в печати по возможности полное и документальное описание переезда. Он, Ленин, мотивировал это указанием на то, что я, в качестве уполномоченного группы эмигрантов, переезжавших с первой партией, больше других посвящен во все детали дела и что свидетельство западноевропейского товарища, особенно в таком деликатном деле, будет иметь цену.

В попытках Ленина как можно скорее и возможно кратчайшим путем пробраться в Россию, чтобы там исполнить свой долг революционера и вождя партии, можно отметить три момента, которые, надеюсь, мне удастся осветить, несмотря на то, что я лично принимал активное участие только в третьей фазе. О первой попытке Ленина проложить себе дорогу в Россию вместе с небольшой группой единомышленников сообщил мне он сам в 1919—1920 годах. Этот эпизод был в 1917 году окутан какой-то тайной. В русских эмигрантских кругах Цюриха ходили различные слухи, однако точных сведений по этому поводу никто не мог дать.

Мы вряд ли ошибемся, если будем считать, что Парвус играл в этом деле вполне определенную роль и оказывал в качестве эксперта по русским делам известное влияние на немецкое правительство и высшее военное командование в смысле благоприятного разрешения вопроса о пропуске русских революционеров в Россию через Германию.

В меньшевистских эмигрантских кругах в Швейцарии делались лихорадочные усилия разузнать, какие средства пускал в ход агент Парвус для того, чтобы добиться скорейшего возвращения в Россию Ленина и Зиновьева. Только немногие посвященные знали о нем. Как только разразилась революция и в среде русских эмигрантов, проживавших в Швейцарии, встал вопрос о возвращении на родину, какой-то субъект с темной репутацией, в качестве компаньона Парвуса, обратился под фальшивым именем к одной цюрихской даме, которая, по его сведениям, была близка к одному большевику, и предложил ей добиться разрешения для нескольких видных революционеров вернуться в Россию через Германию. Товарищ В., знакомый этой госпожи Д., вступил в переговоры, о которых он давал знать Ленину.

Ленин, страстно стремясь как можно скорее попасть в Россию, даже посоветовал назначить вторичное свидание. Во время этого свидания доверенное лицо этого Парвуса осмелилось предложить нужные средства для поездки. Обстоятельство это убедило Ленина, что посредник по этому делу – агент немецкого правительства, и он тотчас резко оборвал все дальнейшие переговоры.

Мое участие в поездке Ленина началось после того, как были прекращены упомянутые переговоры. Я не имел никакого представления о них и выше приведенное сообщение делаю на основании разъяснения Ленина, данного мне в связи со статьей Гардена, появившейся в журнале «Будущее». Разъяснение это было сделано в 1920 году.

Дело произошло следующим образом. Поздней осенью 1919 года, освободившись из румынской тюрьмы, я прибыл в Москву. По дороге в Москву из Каменец-Подольска, тогдашней петлюровской столицы, у меня началось кровохарканье, продолжавшееся несколько дней, и я был вынужден прибегнуть к врачебной помощи. Во время моей болезни товарищ Ленин, которому я, да будет мне позволено здесь указать, глубоко обязан за его всегда теплое участие при всех постигавших меня в Финляндии, Румынии и Литве ударах судьбы, проявил и на этот раз свое внимание, прислав мне злободневную немецкую литературу.

Среди присланных журналов я случайно нашел в «Будущем» сенсационную статью Гардена «Людендорф и путешествие Ленина». Приведенные в статье обстоятельства чрезвычайно меня заинтересовали. На меня все эти «разоблачения» производили впечатление какой-то мистификации, и я воспользовался первым своим выходом после выздоровления, чтобы посетить Ленина в его кабинете. В разговоре я, между прочим, коснулся и статьи Гардена, прося Ленина сказать, что он о ней думает.

Ленин тотчас же и очень охотно сделал это. Он снял со статьи все ее сенсационные прикрасы и представил события так, как они происходили на самом деле. При этом он определенно подчеркнул, что я могу воспользоваться его сообщениями, если опубликую когда-нибудь свои воспоминания о совместной с ним поездке через Германию, что он со своей стороны, по его словам, очень приветствовал бы.

* * *

В свое время поездка Ленина вызвала большие толки. Ленин сделался мишенью клеветнических нападков не только со стороны буржуазной прессы – его преследовали своими яростными и подлыми подозрениями все небольшевистские рабочие партии. Невероятно гнусные обвинения распространялись на его счет. Ленин и Зиновьев изображались как немецкие агенты. Наиболее глупые из этих клеветников уверяли, что оба они оплачиваются немецкими деньгами. Клевета тоже является своего рода оружием, правда грязным. Ленин должен был в Петрограде вести настоящую газетную кампанию против подобных нападков. В настоящее время ни один человек уже не верит больше подобной бессмыслице. Но вопрос о том, почему Германия так предупредительно согласилась разрешить Ленину проезд через свою территорию, гарантировав ему даже экстерриториальность, – до сих пор мелькает у многих в уме. Эти

люди до сих пор не хотят понять, что все это могло произойти без того, чтобы между Людендорфом и Лениным состоялось какое-нибудь определенное соглашение. Рассмотрим, каково было положение дел в 1917 году.

Когда в России разразилась Февральская революция, все правительства и генеральные штабы всех воюющих держав стали гадать, кому суждено вписать в актив своего баланса это колоссальное историческое событие. Всем известна роль, которую в этот период играл английский посланник Бьюкенен. Однако надежды этого господина не оправдались. Вместо ожидавшегося подъема боевого и усиления военной мощи русской армии наступило прогрессирующее ослабление боеспособности русской армии.

Антанта прилагала все старания к тому, чтоб направить революцию в желаемое русло и влить новые силы в сражающуюся русскую армию. Руководители Антанты отправили в Россию Плеханова с соратниками, пытаясь в то же время всеми мерами воспрепятствовать приезду интернационалистов. Все средства были пущены в ход для того чтобы сохранить Россию в качестве военного фактора. Милюковы и Гучковы имели еще меньше охоты, чем господа в Париже и Лондоне, подпустить к себе на близкое расстояние своих классовых врагов ленинского масштаба, ведь прибытие последних не могло предвещать ничего хорошего собственным политическим вожделям первых. Поэтому нужно признать несомненным, что возвращение Ленина и близких ему людей через страны Антанты было делом невыполнимым. Ленин, по-видимому, никогда не разделял фантастических надежд Семковского, секретаря тогдашнего эмигрантского комитета, будто можно все-таки добиться согласия Милюкова на поездку через враждебную Германию.

Французская печать намеренно распространяла легенду о том, что поездка Ленина через Германию могла состояться только вследствие определенного тайного соглашения. Однако она не могла привести ни одного доказательства в пользу этого гнусного уверения.

Мотивы, победившие немецкое правительство и верховное командование разрешить русским эмигрантам в Швейцарии проезд через Германию, в настоящий момент совершенно очевидны. Когда одна враждебная сторона имеет основание помешать чему-либо, то противоборствующая сторона, совершенно естественно, имеет все основания желать как раз того, чему противник стремиться воспрепятствовать.

Проявленная немцами готовность разрешить эту проблему не должна, однако, рассматриваться только как ловкий шахматный ход против врага. Она была обоснована также политическими и военными соображениями.

5 апреля 1917 года Америка объявила войну Германии. Опубликованные мемуары Людендорфа, Чернина и Гинденбурга дают нам ясную картину тогдашнего положения Германии. Правительства Центральной Европы, и прежде всего Людендорф, рассчитывали найти в лице русских циммервальдиетов людей, которые готовы им помогать в осуществлении их целей. В «Мемуарах» Людендорфа нет ни слова о путешествии Ленина. Тем не менее книга эта, равно как и книга, принадлежащая перу бывшего австрийского премьер-министра Чернина, дает исчерпывающие сведения относительно мотивов, побудивших Германию предоставить этим, революционерам право проезда через Германию с гарантией экстерриториальности.

Была надежда посредством деятельности интернационалистов в России добиться разгрузки Восточного фронта. Надеялись даже добиться сепаратного мира.

Гинденбургу всякое средство представлялось хорошим, лишь бы оно дало возможность перебросить армию с Восточного фронта. Еще весной 1917 года Людендорф основывал свою уверенность в победе только на одном козыре: переброска 70 дивизий с Восточного фронта на Западный должна была дать ему возможность нанести последний, решающий удар, повести «генеральный штурм на Париж» прежде, чем Америке удастся навсегда сделать невозможным прорыв Западного фронта.

Как бы правилен ни был этот расчет с военной точки зрения, он как политический шаг оказался совершенно ошибочным. Людендорф сам признает, что с течением времени военные успехи были аннулированы разрушительным влиянием большевистской пропаганды.

Подготовка к возвращению в Россию русских эмигрантов

Вернемся, однако, к официальной стороне истории поездки Ленина. Часто приходится слышать ошибочное мнение, будто ходатайствовал о разрешении на проезд через Германию и получил его сам Ленин или его доверенное лицо – Платтен.

Между тем, поездка Ленина была результатом стараний всех проживавших в Швейцарии русских эмигрантов, за исключением социал-патриотов. Я привожу здесь полностью документ того времени для того, чтобы подтвердить высказанные соображения и доказать, что Ленин совершенно не вел никаких переговоров с германскими властями по основному вопросу, – дает ли германское правительство или нет согласие на проезд. Документ категорически говорит, что разрешение было исходатайствовано Робертом Гриммом от имени образовавшегося комитета эмигрантов по возвращению в Россию. В тот момент, когда автор этой статьи выступил в качестве доверенного лица Ленина по делу поездки, вопрос шел уже только об урегулировании чисто технических деталей. Своевременный разрыв Ленина с Робертом Гриммом снимает с большевиков всякую ответственность за все позднейшие действия Гримма.

«Извлечение из протокола заседания правления Швейцарской социал-демократической партии 30 апреля 1917 г.

На заседании правления – в составе: Клетти (председатель), Платтена (секретарь), Фендриха (секретарь), Пфлюгера, Робман и Фогеля – было доложено о ходатайстве комитета русских эмигрантов по возвращению в Россию. На заседании присутствовали – в качестве представителей Центрального комитета по возвращению на родину проживающих в Швейцарии русских политических эмигрантов – товарищи Семковский и Мартынов.

От имени этого ЦК председатель комитета Семковский доложил следующее:

1. В ЦК входят представители:

а) организаций русских эмигрантов в Женеве, Лозанне, Берне, Цюрихе, Базеле, Кларане, Шо-де-Фоне, Давосе и в других местах;

б) правлений всех организаций помощи русским политическим заключенным и ссыльным;

в) заграничных центральных органов различных русских политических партий: Организационного комитета Российской социал-демократической рабочей партии (меньшевистская фракция); Центрального Комитета Российской социал-демократической рабочей партии (фракция большевиков); представители партии социалистов-революционеров; группы интернационалистов, представленной в Циммервальде Бобровым (Натансоном); Бунда, фракции «Наше слово» (направление Троцкого – Рязанова); фракции «Вперед» (направление Луначарского); Польской социалистической партии (Левины, представленной в Циммервальде Лапинским); польской социал-демократии (оба течения); латышских социал-демократов; еврейских социалистов-территориалистов; поалейционистов; анархистов-коммунистов.

Не входят в упомянутый ЦК только социал-патриоты, которые образовали отдельную организацию.

ЦК объединяет 560 эмигрантов, социал-патриотическая отдельная организация насчитывает 160 эмигрантов. (Эти цифры даны официально обеими организациями.) ЦК представляет, таким образом, значительное большинство русских эмигрантов в Швейцарии и охватывает все партийные направления, стоящие на почве Циммервальда. Возвращение русских эмигрантов из Швейцарии в Россию представляется делом крайне неотложным. Оно имеет огромное историческое значение, так как среди 500 эмигрантов находятся самые выдающиеся идейные вожди всех революционных российских партий, ведущих борьбу за мир и за восстановление пролетарского Интернационала. Прошло почти два месяца с момента объявления амнистии, а до сих пор путь для возвращения в Россию остается закрытым для эми-

грантов. До сих пор через Францию и Англию могли, за малым исключением, пробраться в Россию только шовинистические антантовские социалисты, как Плеханов и 40 его единомышленников. Чтобы обеспечить безопасность переезда, им были предоставлены правительствами Антанты в качестве транспортных средств крейсера и миноноски. Однако для огромного большинства эмигрантов подобное путешествие было бы невозможным, даже если бы им были предложены для переезда такие же транспортные средства. Главнейшим препятствием для интернационалистов-циммервальдистов служит то, что все они без исключения фигурируют в специальных, так называемых черных, списках, ведущихся антантовскими правительствами. Случай с социал-патриотом, депутатом 2-й Думы Зурабовым ярко свидетельствует о том, с какими трудностями пришлось бы встретиться интернационалистам. Даже если бы они совсем не вступили на французскую или английскую территорию (Зурабов ехал из Копенгагена прямо на Петроград, но русская граница находилась под английским военным контролем), все-таки возможность въезда в Россию не была бы обеспечена.

После случая с Троцким со стороны интернационалистов было бы попросту бессмыслицей пытаться ехать через Францию и Англию или вообще возлагать на это какие-либо надежды. Следует еще упомянуть, что наши товарищи Карпович и Браун вынуждены были при поездке из Англии – в отличие от Плеханова – воспользоваться частным, не нейтральным коммерческим судном и без сопровождения военного корабля. Пароход был пущен ко дну. Вообще интернационалисты, занесенные в черные списки, не могли до сих пор покинуть Англию. Официальное обещание пересмотреть списки отнюдь не служит гарантией того, что это действительно будет сделано в ближайшем будущем.

Ввиду такого положения ЦК 5 апреля 1917 года отправил следующую телеграмму Совету рабочих депутатов в Петрограде, министру юстиции Керенскому и комитету Веры Фигнер (эта телеграмма была подписана также представителем социал-патриотов):

«ЦК по возвращению на родину русских политических эмигрантов, проживающих в Швейцарии, представляющий всю политическую эмиграцию без различия партий и направлений, обращает ваше внимание на тот факт, что огромному большинству эмигрантской массы, находящейся в Англии и Франции, и ни одному из проживающих в Швейцарии эмигрантов до сих пор не удалось поехать в Россию. Все это указывает на то, что возвращение политических эмигрантов через Англию и Францию встречает непреодолимые препятствия. Проходят месяцы – и политическая амнистия превращается для нас в фикцию. При таких условиях единственный, по нашему убеждению, реальный путь – это заключение соглашения между Россией и Германией по образцу практиковавшегося уже во время войны обмена интернированными гражданами. Согласно этому русским эмигрантам, при условии освобождения известного количества интернированных в России немцев, должна быть предоставлена возможность переезда в Скандинавию через Германию. Мы настоятельно просим вас немедленно предпринять шаги в этом направлении. Не давайте делу затянуться из-за формальных обещаний. Если вам удастся провести это предложение, то политическая эмиграция и в дальнейшем будет фактически лишена возможности действовать в России в самый важный период революции. Все еще отрезанные от товарищей в России, ждем скорейшего ответа.

Исполнительный комитет: Кэте Адлер, Андроников, Багоцкий, Балабанова Болотин, Иоффе, Феликс Кон, Мандельберг – депутат 2-й Думы, проф. Рейхесберг, Семковский, Ульянов (Ленин), Устинов, Фраткин».

Одновременно это предложение было передано по телеграфу представителям партий за подписью Аксельрода, Абрамовича, Астрова, Луначарского, Мартова, Мартынова, Натансона, Рязанова, Семковского и Устинова.

После того как из Петрограда долгое время не было ответа (очевидно, русское правительство задерживало телеграммы в адрес Совета рабочих депутатов), ЦК решил обратиться к товарищу Гримму с просьбой поехать, по поручению ЦК, в Петроград и сделать устный

доклад Совету рабочих депутатов, министру юстиции Керенскому и комитету Веры Фигнер по вопросу об обмене эмигрантов на интернированных пленных. Однако товарищу Гримму до сих пор не удалось попасть в Петроград. Одновременно с этим Центральный комитет и отдельные партийные группы предпринимали ряд дальнейших попыток в том же направлении. 19 апреля заграничный секретариат Организационного комитета Российской социал-демократической рабочей партии (меньшевиков) получил известие, что можно непосредственно сноситься с Советом рабочих депутатов. Тотчас же Организационный комитет РСДРП послал следующую телеграмму:

«Положение наше стало невыносимым. В то время как Плеханову, Кашину и другим лицам, служащим делу империализма и поддерживающим либералов против социалистов, предоставляется возможность поездки в Россию, – нам в ней отказывают. Протестуем против этого. Мы твердо решили не терпеть дальше такого неравенства и добиться применения амнистии ко всем. Две недели тому назад мы сделали вашему товарищу председателя – Керенскому определенное предложение. Если он не хочет провести в жизнь наш проект обмена эмигрантов на немецких интернированных граждан, – что представляется единственно возможным разрешением нашего вопроса, – то мы считаем себя вправе искать других путей для того, чтобы пробраться в Россию, занять место в ваших рядах и принять участие в борьбе за дело международного социализма. Мы говорим от имени сотен эмигрантов, старых борцов, и требуем от вас опубликования в печати этой телеграммы. Прошу телеграфного ответа.

За заграничный секретариат Организационного комитета РСДРП – Мартов».

21 апреля ЦК по возвращению русских политических эмигрантов, проживающих в Швейцарии, получил следующую телеграмму из Петрограда:

«В ответ на вашу телеграмму, адресованную Чхеидзе, Керенскому и Вере Фигнер, касательно возвращения эмигрантов через Германию, считаем проезд через Германию в обмен на немецких интернированных граждан невозможным. Мы телеграфно обратились в Лондон и Париж с просьбой пропустить всех эмигрантов без различия политических взглядов и оказать всяческое содействие, дабы дать им возможность поскорее вернуться. Милюков № 7952».

Однако одновременно с этим ЦК получил от русского эмигрантского комитета в Стокгольме следующую телеграмму:

«Прибывший 20 апреля в Стокгольм из Америки пароходом «Христиан-Фиорд» политический эмигрант сообщает, что в Галифаксе задержаны: Троцкий, Чудновский, Мельпичанский, Днепровский, Мухин и Романенко. От имени нашего комитета телеграфировали Фигнер и Совету рабочих депутатов. – Романенко».

На это ЦК послал Совету рабочих и солдатских депутатов в Петроград следующую телеграмму: «В ответ на телеграмму, посланную нами 5 апреля Чхеидзе, Керенскому и Фигнер, получили телеграмму от Милюкова, в которой он официально отклоняет наше предложение обменять русских политических эмигрантов на немецких интернированных граждан. Отклонение нашего предложения ничем не обосновано. Мотивировать отказ невозможно, так как подобного рода обмен с Германией за время настоящей войны не раз имел место. Для большого числа эмигрантов проезд через Англию и Францию в течение еще долгого времени будет вещью совершенно невозможной. Милюков сам, по официальному сообщению Петроградского телеграфного агентства, признал, что путешествие через Норвегию крайне затруднительно, что заставляет эмигрантов дожидаться в Англии какого-нибудь более или менее благоприятного случая для того, чтобы продолжать путь. При такой ограниченной возможности пользоваться морским путем и при наличии большого числа русских эмигрантов и военнообязанных, ждущих в Англии случая, чтобы пуститься в путь, – ясно, что проживающие в Швейцарии эмигранты сумеют добраться в Россию этим путем лишь по истечении многих месяцев. Кроме того, Милюков официально признал наличие черных списков, куда щедро вносятся те русские

политические эмигранты, которые не идут навстречу желаниям империалистических правительств Франции и Англии.

Обещанию Милюкова добиться от этих правительств пересмотра черных списков эмигранты не могут придавать никакого значения, так как на основании своего горького опыта они не могут питать никакого доверия к отношению союзных правительств к русским политическим эмигрантам. Эмигранты поэтому имеют полное основание опасаться, что французские и английские власти, для вида разрешив проезд нескольким эмигрантам-интернационалистам, задержат под предлогом чисто технических затруднений громадное большинство эмигрантской массы, принадлежащее, как известно, к противникам ныне происходящей человеческой бойни...

Перед лицом революционного народа мы с негодованием протестуем против очевидного затягивания проведения в жизнь амнистии – этого завоевания революции, и заявляем о нашем твердом решении добиться возможности снова занять свое старое место в революционных рядах, дабы исполнить свой долг перед народом и революцией...»

Ссылаясь на эти документы, я, Семковский, заявляю:

«Мы, эмигранты, поставлены перед альтернативой: либо помириться с фактом, что амнистия для швейцарской эмиграции – фикция, или же, вопреки заговору либеральной контрреволюции в России, отстаивать наше священнейшее право – в решающий момент революции быть в революционных рядах и действовать в России в духе Циммервальда. Когда товарищ Ленин решил поехать через Германию, все остальные представители партийных группировок интернационалистического направления были против этой поездки, которую они считали политической ошибкой постольку, поскольку Ленин предварительно воочию не показал широкому общественному мнению, что нет абсолютно никакой возможности выбрать другой путь. Однако после того, как мы тщетно испробовали все возможные пути, мы можем теперь ехать в Россию тем же путем, уже не в качестве обвиняемых, а в качестве обвинителей. Тем более что Совет рабочих депутатов и даже часть буржуазной печати выразили свои протесты против махинаций Англии по отношению к русским эмигрантам (особенно по поводу ареста Троцкого).

Пропуск через Германию не связан принципиально ни с какими политическими условиями. Нас абсолютно не касается, какие мотивы будут руководить при этом немецким империализмом, так как мы ведем и будем вести борьбу за мир, само собою разумеется, не в интересах немецкого империализма, а в духе интернационального социализма. Мы фактически находимся в положении пленных. Как нет ничего политического в том, что пленные пытаются через посредство какой-нибудь нейтральной организации, например через Красный Крест, добиться пропуска через какую-нибудь воюющую страну, точно так же лишено политического характера наше стремление получить при посредстве нейтральных швейцарских товарищей пропуск через Германию.

Условия проезда Ленина, опубликованные Платтенем в «Народном праве», содержат в себе все нужные гарантии. Без таких гарантий подобная поездка была бы недопустима с точки зрения интернациональных социалистов. Конечно, нам придется считаться с шовинистической демагогией. Но выше этих соображений должен стоять наш долг – принять участие в борьбе за революцию в качестве социалистов-интернационалистов. Надеемся, что наши швейцарские товарищи поймут наше положение-ЦК по возвращению русских политических эмигрантов, проживающих в Швейцарии.

По поручению ЦК, председатель Семковский.

Секретарь Багоцкий».

Действия Ленина по подготовке к возвращению в Россию

Еще 9 апреля (по новому стилю) 1917 г. Ленин уехал из Цюриха и 17 апреля прибыл в Петроград. Хотя к этому времени уже выяснилось, что оставшимся эмигрантам тоже не остается никакого другого пути и что, хорошо ли, плохо ли, им придется последовать примеру Ленина, – поездка последнего рассматривалась как «политическая ошибка», и это только потому, что не была доказана абсолютная невозможность добиться от милюковского империалистического правительства согласия на поездку. Не напоминает ли эта политическая позиция меньшевиков пресловутой, ставшей крылатой, фразы о «верноподданнейшей оппозиции его величества»?

Для того чтобы иметь право выступить перед русской буржуазией не «в роли обвиняемых, а в роли обвинителей», эти «влиятельнейшие старейшие вожди Российской социал-демократической рабочей партии» сами готовы были лишиться в продолжение больше чем месяца «своего священного права занять место в рядах революционных борцов и тем самым выполнить свой высший долг перед народом и революцией».

По сравнению с этим героизмом высшей марки кажется смешным харакири какого-нибудь приговоренного судом к смертной казни китайца.

Они решительно ничего не имели возразить против условий, на которых Ленин совершил свою поездку. Но они оценивали как смертный политический грех то, что он не мог сдержаться и ждать, пока ему будет дана возможность выступить «в качестве обвинителя». Имеющееся в протоколе заявление меньшевиков о том, что они осуждают поездку Ленина, не есть просто неудачный оборот речи, а представляет собой серьезный протест. Я прихожу к такому заключению на основании сделанных мною в то время заметок, имеющихся у меня еще сейчас под руками.

Когда я получил разрешение перевезти в Россию первую партию эмигрантов в 60 человек, то созданный для этой цели ленинский комитет по организации поездки известил об этом Мартова и просил сообщить число едущих с ним товарищей. Мартов поведал нам, что они (меньшевики) считают себя связанными принятым решением. Они не поедут, так как предполагают, что русское правительство предпримет меры, чтобы добиться обмена пленными.

С формальной стороны Мартов возражал, указывая на отсутствие подписи немецкого посланника на представленном Платтенем документе, содержащем условия переезда.

* * *

Между тем, по инициативе Радека швейцарский корреспондент «Франкфуртер цайтунг» пытался выяснить в немецком посольстве в Берне, как отнесутся немецкие власти к возвращению русских эмигрантов через Германию. Получился ответ, что власти готовы по этому поводу вступить в переговоры. Так как дело касалось всех стоявших на почве Циммервальда эмигрантов, то по этому делу выступил Центральный комитет по возвращению на родину русских политических эмигрантов, проживающих в Швейцарии.

Так как непосредственные сношения эмигрантов с немецкими властями были признаны нежелательными, то решено было поручить ведение переговоров тов. Гримму – председателю Циммервальдского комитета.

Уже в первых числах апреля было достигнуто принципиальное соглашение. В силу занимаемой им фракционной позиции, Гримм принял во внимание желание меньшевиков отсрочить окончательное решение до получения согласия Милюкова. Ленин возмутился таким саботажем. Медлительный темп переговоров создал в Ленине убеждение, что тут кроются какие-

то влияния и что можно, пожалуй, заподозрить наличие тенденций, отнюдь не отвечающих его целям. Он решился расследовать дело через свое доверенное лицо.

Однажды, в 11 часов утра, мне позвонили по телефону в секретариат партии и попросили быть в половине второго для беседы с тов. Лениным в помещении рабочего клуба Эйнтрахт. Я застал там небольшую компанию товарищей за обедом. Ленин, Радек, Мюнценберг и я отправились для конфиденциальной беседы в комнату правления, и там тов. Ленин обратился ко мне с вопросом, согласился бы я быть их доверенным лицом в деле организации поездки и сопровождать их при проезде через Германию. После короткого размышления я ответил утвердительно. Как перед Лениным, так и передо мною возникал вопрос о политическом значении этого шага. У меня возникло сомнение, смогу ли я оказать Ленину эту партийную услугу, не отказавшись от своей должности секретаря швейцарской социал-демократической партии. Я должен был задать себе вопрос, не будет ли благодаря этой поездке моя дальнейшая партийная деятельность значительно затруднена. Я глубоко сознавал, что мой долг – оказать всяческое содействие возвращению в Россию моих политических друзей. Отбросив всякие колебания, я решился взять на себя эту роль доверенного лица. Еще в тот же день после обеда мы с трехчасовым поездом поехали в Берн, предварительно сговорившись по телефону с Гриммом, которого я просил прийти для переговоров в бернский Народный дом.

Объяснение с Гриммом было короткое и решительное. Разговаривали стоя в Народном доме в Берне. Гримм заявил, что он считает вмешательство Платтена нежелательным. Хотя Фриц и искренний революционер, однако плохой дипломат. А это, в связи с могущими возникнуть вопросами, чревато осложнениями. Это заявление еще более усилило в Ленине прежнее недоверие, и мы оба заявили, что завтра я буду просить аудиенцию у Ромберга и что, в случае отказа в аудиенции, мы должны будем заключить, что имеется основание сомневаться в миссии Гримма. Роберт Гримм ничего не предпринял против задуманного нами шага, и министр Ромберг принял меня для переговоров по делу о переезде русских эмигрантов, проживающих в Швейцарии.

В комнате Ленина, в номерах при Народном доме в Берне, вопрос о поездке подвергся основательному и детальному обсуждению.

Так как не имелось в виду – да и не было основания для этого, – чтобы я выступал в роли уполномоченного по ведению переговоров наряду с Гриммом или даже вместе с ним (Гримм был выбран всем комитетом), то надлежало выяснить, в качестве чьего представителя я буду вести переговоры. Хотя в принципе немецкие власти не должны были знать имен уезжающих эмигрантов. Ленин уполномочил меня заявить, что первая партия поедет во главе с Лениным и Зиновьевым и что мне поручено вести переговоры по этому делу и сопровождать уезжающих. Мы не были осведомлены насчет того, в какой плоскости велись переговоры Гриммом. Необходимо было поэтому формулировать те условия, на которых должен был совершиться в случае разрешения наш проезд.

* * *

В результате нашего совещания я, по поручению Ленина и Зиновьева, на другой день представил министру Ромбергу следующие условия, на которых эмигранты согласны совершить переезд:

«1. Я, Фриц Платтен, руковожу за своей полной личной ответственностью переездом через Германию вагона с политическими эмигрантами и легальными лицами, желающими поехать в Россию.

2. Вагон, в котором следуют эмигранты, пользуется правом экстерриториальности.

3. Ни при въезде в Германию, ни при выезде из нее не должна происходить проверка паспортов или личностей.

4. К поездке допускаются лица совершенно независимо от их политического направления и взглядов на войну и мир.

5. Платтен приобретает для уезжающих нужные железнодорожные билеты по нормальному тарифу.

6. Поездка должна происходить по возможности безостановочно в беспересадочных поездах. Не должны иметь места ни распоряжение о выходе из вагона, ни выход из него по собственной инициативе. Не должно быть перерывов при проезде без технической необходимости.

7. Разрешение на проезд дается на основе обмена уезжающих на немецких и австрийских пленных и интернированных в России. Посредник и едущие обязуются агитировать в России, особенно среди рабочих, с целью проведения этого обмена в жизнь.

8. Возможно кратчайший срок переезда от швейцарской границы до шведской, равно как технические детали должны быть немедленно согласованы.

Подпись: *Фриц Платтен*.

Берн – Цюрих, 4 апреля 1917 года».

Особенные трудности вызывала редакция первого пункта. На вопрос о том, с кем я еду, нужно было ответить в описательной форме. Самое простое было бы сказать: «с русскими политическими эмигрантами». Ленин, однако, очень серьезно настаивал на поездке с нами Радека, а Радек – поляк и имел польский паспорт. Я решительно ничего не имел против его поездки, но настаивал, однако, на том, чтобы считать подписанные мною условия для себя совершенно обязательными и ни при каких обстоятельствах не допускать нарушения соглашения. Случай с Радеком был особенно щекотливым. Немцы к Радеку относились плохо, – ведь он не раз поплеывал в суп немецким, а равно и антантовским империалистам. Мы согласились на редакции: «политические эмигранты и легальные лица». В случае, если она будет принята, мы сможем взять с собою Радека, иначе – нет. Я стремился к тому, чтобы с нашей стороны строго соблюдались принятые нами условия, дабы иметь право решительно восставать против возможных покушений с другой стороны. Министр Ромберг не обратил внимания, что выражение «русские политические эмигранты» отсутствует, но выразил недоумение по поводу слова «легальные» и просил объяснения. Я ему указал, что не у всех отсутствуют паспорта, мы же хотим иметь право взять с собой и тех, кто, строго говоря, не является эмигрантом.

Ультимативный характер имел второй пункт условий соглашения. Наша коллегия прекрасно знала, что проезд, при каких бы условиях он ни совершился, произведет повсюду огромное впечатление. Можно было заранее предугадать, что сторонники Антанты инсценируют бешеную клеветническую кампанию. Поэтому тем большее внимание надо было обратить на то, чтобы избежать какого-либо контакта между немцами и проезжающими эмигрантами. Благодаря признанию за проезжающими эмигрантами права экстерриториальности, создавалась чрезвычайно прочная защита против нежелательных инцидентов и был фактически устранен нежелательный контакт с немецкими гражданами.

Пункт 6 должен рассматриваться как предупредительная мера против немцев. При выходе путешественников в Заснице они были так же внимательно пересчитаны, как в Готтмадингене число их оставалось равным 32. Только в Стокгольме партия уменьшилась, так как Радек остался здесь для того, чтобы вместе с нашим тов. Воровским и тов. Ганецким взять на себя обязанности заграничного представительства русской большевистской партии.

Кроме вопроса о том, что мы подразумеваем под выражением «легальные лица», все выставленные условия не вызвали возражений, и на них было дано молчаливое согласие.

Господин Ромберг указал только на то, что в дипломатическом мире не принято, чтобы частные лица диктовали правительству какого-нибудь государства условия переезда через его

страну. Он заметил, что подобная позиция уезжающих может затормозить разрешение на поездку.

Я возразил, что уезжающие находятся в совершенно исключительном положении и что я имею поручение сообщить господину Ромбергу, что эмигранты лишены будут возможности предпринять путешествие, если будет внесено какое-либо изменение или будет аннулирован какой-либо из пунктов. Господин Ромберг обещал телеграфировать в Берлин в благоприятном тоне. Через два дня последовало безоговорочное согласие. Хотя теперь первый пункт соглашения и узаконивал участие Радека в поездке, но впоследствии было найдено более целесообразным посоветовать Радеку сесть в наш вагон только в Шафгаузене.

Сообщая о решении Берлина, господин Ромберг известил меня о том, что в Штутгарте к нам в поезд сядет господин Янсон, представитель Генеральной комиссии немецких профессиональных союзов. Согласно данным мне полномочиям я заявил, что присутствие его в нашем вагоне несовместимо со 2-м пунктом соглашения. Господин Ромберг предложил мне не делать принципиального вопроса из этого, так как это повлечет за собой новый запрос в Берлин и придется отменить уже отданные железнодорожному управлению распоряжения. Я смолчал. Для сведения моего мне было сообщено, что максимально могут ехать 60 человек и что в Готтмадингене стоят готовыми два пассажирских вагона II класса. Я просил изменить распоряжение, ссылаясь на то, что имеющиеся для поездки денежные средства диктуют необходимость пользоваться вагонами III класса.

К концу аудиенции господин Ромберг спросил меня, как я представляю себе начало мирных переговоров. На меня этот вопрос произвел тягостное впечатление, и я ответил, что мой мандат уполномочивает меня исключительно на регулирование чисто технических вопросов и что я на его запрос не могу дать никакого ответа. Господин Ромберг заметил, что в этом отношении господин Гримм держится совершенно определенных взглядов. Я промолчал и расклялся. О каждом своем разговоре я всегда давал подробный отчет.

* * *

День отъезда был назначен немецкими властями на 9 апреля (нового стиля).

Началась лихорадочная работа. 7 апреля были посланы телеграммы Абрамовичу в Шоде-Фон, различным эмигрантским секциям в Цюрихе, Лозанне, Женеве и т. д. с предложением всем отъезжающим прибыть в Цюрих ночными и утренними поездами 9 апреля.

Со своей стороны я должен был сделать последнее распоряжение Цюрихскому потребительскому кооперативу относительно заказа съестных припасов. В виде чрезвычайной льготы нам было разрешено взять с собой продуктов на десять дней. Денег – в которых мы, как о том клеветали враги, утопали – мы совершенно не имели. В последнюю минуту мы не сумели бы выкупить съестные припасы, если бы правление швейцарской партии не открыло нам кредита на 3000 франков под поручительство Ланга и Платтена.

К 11 часам утра 9 апреля все необходимые приготовления были закончены, и цюрихское вокзальное управление было предупреждено о нашем отъезде.

Все уезжающие собрались в ресторане «Церингергоф» за общим скромным обедом. Из-за беспрестанной беготни взад и вперед и непрерывной информации, делаемой Лениным и Зиновьевым, собрание производило впечатление растревоженного муравейника.

Согласно условиям ни образ мыслей, ни партийная принадлежность не могли служить поводом для исключения кандидатов из списка желающих ехать. Страстные споры вызвали, однако, просьбы одного врача – Оскара Блюма (автора книги «Выдающиеся личности русской революции») участвовать в поездке. Его подозревали в том, что он состоял на службе в царской охранке.

Ленин и Зиновьев дали ему понять, что будет лучше, если он откажется от поездки. Хотя в тот момент и не было неопровержимых доказательств и нельзя было, следовательно, с полной уверенностью утверждать, что он шпион, однако налицо был факт, что все партийные комитеты в отношении его принимали меры предосторожности. Его желание – опросить всех едущих – было удовлетворено. 14 голосами против 11 включение его в список уезжающих было отклонено. Однако, согласно информации Шараша (член партии Поалей-Цион и репортер капиталистической «Новой цюрихской газеты»), он тем не менее занял место в приготовленных для нас вагонах. «Вдруг мы увидели, – пишет Шараш, – как Ленин сам схватил этого человека, успевшего пробраться в вагон немного раньше назначенного времени, за воротник и вывел его с ни с чем не сравнимой самоуверенностью обратно на перрон». Я лично не был свидетелем этого происшествия, так как находился в то время на перроне, где со мною сцепился какой-то иступленно жестикулировавший социал-патриот, и я был близок к мысли спустить под вагон этого субъекта. Железнодорожные служащие увели и эту опору Милюкова. На перроне находилась масса народа, главным образом русских; все страстно дискутировали доводы за и против поездки; Ленин же и Зиновьев – как до, так и во время отхода поезда – совершенно бесстрастно глядели на эти бушующие волны.

Переезд Ленина в Россию

Теперь можно считать доказанным, что поездка Ленина в Россию через Германию произвела столь огромное впечатление не потому, что он – первый из эмигрантской массы вместе с ближайшими своими соратниками рискнул совершить эту поездку, а потому, что у всех было убеждение, что этот человек с огромной силой воли вмешается в события русской революции. Произведенная поездкой Ленина сенсация, вызванное ею возбуждение находились в резком противоречии с позицией, занятой той же европейской печатью по отношению ко второй партии эмигрантов, хотя при этом через Германию ехало приблизительно 500 русских эмигрантов.

Наша партия состояла из 32 человек. Большинство поехавших с нами эмигрантов завоёвывали себе в истории революции выдающееся место своим мужеством, энергией, дальновидностью и самоотверженностью, проявленными ими в интересах пролетариата и коммунизма. Из числа ехавших в нашей партии нашел преждевременную смерть зять Феликса Кона тов. Усиевич, погибший на чехословацком фронте. К нашему величайшему горю, смерть слишком рано вырвала из наших рядов также незабвенного тов. Ленина.

Нет никакого сомнения, что лица, участвовавшие в этой поездке, сыграли решающую роль не только в русской, но, можно без преувеличения сказать, и в мировой истории. Кто в Западной Европе в 1917 году осмелился бы предсказать, что эти «голяки» в ободренных костюмах, все пожитки которых можно было увязать в головной платок, сделаются вождями и руководителями страны со 130-миллионным населением? В 1917 году все издевались над этой кучкой фанатиков, стремящихся «осчастливить мир и лишенных всякого чувства действительности».

* * *

Путешествие Ленина произошло следующим образом.

Согласно выраженному Лениным и Зиновьевым желанию Фриц Платтен взял на себя руководство поездкой.

9 апреля 1917 года в половине третьего группа эмигрантов направилась из ресторана «Церингергоф» к цюрихскому вокзалу, нагруженная – по русскому обычаю – подушками, одеялами и прочими пожитками. Согласно расписанию поезд отошел в 3 часа 10 минут. В Тайнгене происходил швейцарский таможенный досмотр, причем паспорта не проверялись. Ввиду того что взятые с нами съестные припасы – главным образом шоколад, сахар и пр. – превышали дозволенную властями норму, излишки были отобраны, а пострадавшим было предоставлено право переслать конфискованные съестные припасы родственникам и знакомым в Швейцарии.

На вокзале в Готтмадингене нас временно изолировали в зале III класса. Потом мы сели в plombированный пассажирский вагон II—III класса. Дети и женщины заняли мягкие места, мужчины разместились в III классе.

Поездка протекала нормально, к полному удовлетворению едущих. Лишь время от времени причиняли мне хлопоты несколько товарищей – любителей пения. Часть из них не могла удержаться и пела на французском языке «Марсельезу», карманьолу и другие французские песни, не обращая внимания на сопровождавших нас двух офицеров.

Во Франкфурте разыгрался инцидент с Радеком, вызванный его «братанием с солдатами». Я, сознаюсь, виноват в том, что допустил немецких солдат войти в вагон. Три наших вагонных двери были запломбированы; четвертая, задняя, вагонная дверь открывалась свободно, так как мне и офицерам было предоставлено право выходить из вагона. Ближайшее к этой свободной двери купе было предоставлено двум сопровождавшим нас офицерам. Проведенная мелом черта на полу коридора отделяла – без нейтральной зоны – территорию, занятую

немцами, с одной стороны, от русской территории – с другой. Господин фон Планид строжайше соблюдал инструкции, преподанные ему господином Шюллером, атташе немецкого посольства, передавшим в Готтмадингене нашу партию для дальнейшего следования обоим офицерам; эти инструкции требовали, чтобы экстерриториальность не была нарушена.

Предполагая, что во Франкфурте я не выйду из вагона, оба офицера покинули его. Я последовал их примеру, так как условился встретиться на франкфуртском вокзале с одной своей знакомой. Я купил в буфете пива, газет и попросил нескольких солдат за вознаграждение отнести пиво в вагон, предложив служащему, стоявшему у контроля, пропустить солдат.

Привожу здесь эти подробности только для объяснения инцидента.

Сильнейшим образом взволновала многих ехавших следующая картина. Франкфуртские рабочие и работницы спешили сесть в вагоны дачного поезда. Мимо нашего вагона проходил длинный ряд измученных, усталых людей с потухшим взором, на их лицах не видно было ни малейшей улыбки. Это траурное шествие как молния осветило нам положение Германии и пробудило в сердцах ехавших эмигрантов надежду на то, что уже недалек тот час, когда народные массы в Германии восстанут против господствующих классов.

И действительно, в ноябре 1918 года разразилась революция в Германии, – она пришла поздно, но все-таки пришла.

* * *

Я должен напомнить еще об одном обстоятельстве, имевшем важное политическое значение. Оно показывает самым очевидным образом, какого рода отношения существовали между Генеральной комиссией немецких профессиональных союзов и немецким правительством.

Вопрос о «поездке Ленина» был решен немецким правительством и высшим военным командованием не без ведома и, нет сомнения, при поддержке Генеральной комиссии немецких профессиональных союзов.

В Штутгарте господин Янсон сел в наш поезд и просил через ротмистра фон Планица (наш проводник-офицер) разрешения переговорить со мною. Мы еще раньше лично знали друг друга. Господин Янсон заявил мне, что он по поручению Генеральной комиссии немецких профессиональных союзов приветствует едущих эмигрантов и желал бы лично переговорить с товарищами. Я был вынужден заявить ему, что едущие эмигранты желают соблюсти экстерриториальность и отказываются принять кого бы то ни было на немецкой территории. Я готов довести до сведения едущих о нашей беседе и передать ему ответ завтра утром. После этого господин Янсон удалился в свой вагон.

Мое сообщение вызвало среди едущих взрыв веселья. После краткого совещания было решено не принимать господина Янсона и не отвечать на его приветствие. Мне было предложено уклониться от назойливых попыток, и в случае их повторения было решено ограждать себя силой.

На другой день утром я поблагодарил лично от своего имени господина Янсона за приветствие, так как едущие отказались из политических соображений отвечать на таковое. Я просил его удовольствоваться состоявшейся между нами беседой. Господин Янсон удовлетворил мое желание и удалился.

Само собой понятно, что я со своей стороны соблюдал необходимую сдержанность. Крайне комичными являются слухи о том, будто Ленин вел переговоры с Бетман-Гольвегом и Шейдеманом. Все эти лживые сведения распространялись с целью бросить тень на едущих.

В отличие от Франкфурта изоляция перрона и охрана вагона в Берлине носили очень строгий характер. Мне тоже не было разрешено без конвоя уходить с перрона. Немцы опасались, что мы вступим в сношения с немецкими единомышленниками.

Я хочу еще упомянуть об одной беседе с Лениным на немецкой территории, так как психологически интересно узнать, как в то время Ленин оценивал шансы большевистской партии в русской революции и каков был мой ответ – типичный ответ западноевропейского коммуниста – на поставленный Лениным вопрос. Нужно иметь в виду, что Керенский угрожал возбудить против едущих эмигрантов обвинение в государственной измене, и, по всем сведениям, надо было ожидать, что Ленин и его товарищи встретят в Петрограде наряду с большим числом стойких друзей также множество яростных и подлых врагов. Еще будучи в Швейцарии, Ленин знал, что его ожидает; еще до своего отъезда в Россию он созвал на совещание Лорио из Парижа, Гильбо из Женевы, Поля Леви, Бронского и меня для того, чтобы дать нам подписать протокол об условиях поездки и иметь в нашем лице свидетелей.

В коридоре вагона шел горячий спор. Вдруг Ленин обратился ко мне с вопросом: «Какого вы мнения, Фриц, о нашей роли в русской революции?» – «Должен сознаться, – ответил я, – что вполне разделяю ваши взгляды на методы и цели революции, но как борцы вы представляетесь мне чем-то вроде гладиаторов Древнего Рима, бесстрашно, с гордо поднятой головой выходявших на арену навстречу смерти. Я преклоняюсь перед силой вашей веры в победу». Легкая улыбка скользнула по лицу Ленина, и в ней можно было прочесть глубокую уверенность в близкой победе.

* * *

В Заснице мы оставили немецкую территорию; перед этим было проверено число едущих, сняты пломбы с багажного вагона, и состоялась передача багажа. Пассажирский пароход «Треллеборг» доставил нас в Швецию. Море было беспокойно. Из 32 путешественников не страдали от качки только пять человек, в том числе Ленин, Зиновьев и Радек; стоя возле главной мачты, они вели горячий спор. На берегу нас встретил Ганецкий и шведская депутация.

В Швеции нам был оказан в высшей степени сердечный прием. На конференции эмигрантов с представителями шведской и норвежской социалистической молодежи нами был сделан подробный доклад о совершенном переезде и были изложены те политические соображения, которые заставили нас ехать через Германию. Шведские товарищи одобрили поездку. Впоследствии мне стала еще более очевидной невозможность вернуться в Россию через Англию и необходимость поездки через Германию, особенно когда я по возвращении в Стокгольм узнал об аресте Троцкого и его товарищей, произведенном английскими властями. Можно смело быть уверенным, что с Лениным и его единомышленниками поступили бы еще хуже.

После десятичасового пребывания в Стокгольме мы продолжали путешествие. В Торнео, на пограничной русской станции, встреча, оказанная эмигрантам местными солдатами, отличалась исключительной теплотой. Солдаты с воодушевлением рассказывали о революционных событиях и восторженно приветствовали вернувшихся эмигрантов. Вскоре меня разлучили с моими спутниками. При прощании мне было заявлено, что в 4 часа они под военным конвоем будут отправлены в Петроград.

Я имел намерение – и того же хотели мои спутники – сопровождать товарищей до Петрограда, но этому воспрепятствовал английский контроль. «Франкфуртская газета» впоследствии сообщила, что я на пограничной станции «решил вернуться обратно», так как пограничные власти не хотели мне гарантировать безопасность в России. По этому поводу мне хотелось бы заметить, что я никогда таких требований не предъявлял ни к какому правительству; а в Торнео со мной произошло следующее: после того как я заполнил обычный опросный лист, я подвергался самому тщательному телесному осмотру, что является процедурой чрезвычайно тягостной. После того как осмотр не дал никаких результатов, между мною и английским пограничным офицером произошел следующий разговор:

«Какие у вас имеются мотивы для поездки в Петроград и Москву?»

«Я еду для того, чтобы поддержать в министерстве свое ходатайство о выплате мне залога, внесенного мною в 1908 году в депозит суда в Риге, и для того, чтобы по личным делам навестить в Москве родителей своей жены».

Других мотивов политического характера я не указал, так как было ясно, что это могло бы только затруднить положение эмигрантов. Мое настойчивое требование дать мне возможность ехать в Петроград вызвало у офицера замечание: «Не советую вам ехать, так как вы ведь опять будете арестованы, как в 1907 и 1908 годах». Я ответил ему, что это обстоятельство не может помешать моему решению ехать; я получил продолжительный отпуск, и его сообщение никоим образом не может меня испугать. После того как английский офицер убедился, что по собственной инициативе я не откажусь от своего намерения и не соглашусь ехать обратно, он категорически заявил, что мне не будет дано разрешения переехать через границу без специального распоряжения из Петрограда и что он вынужден отвезти меня обратно под конвоем на шведскую границу. Перед отъездом я получил возможность проститься со своими товарищами и обменяться с ними несколькими словами. Ленин предложил из солидарности и по мотивам политической целесообразности настаивать на моей поездке в Петроград и отложить дальнейшее путешествие, пока не получится разрешение на мою поездку. Ленин при этом имел в виду, что я сделаю доклад Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов о переезде. Ведь можно было ожидать, что все приехавшие эмигранты будут арестованы. Однако, не желая служить препятствием для их дальнейшей поездки, я настойчиво просил оставить меня в Швеции. Я дал обещание ожидать в течение трех дней в Хапаранде и по телеграфному требованию немедленно поехать в Петроград.

Как известно, при приезде в Петроград Ленин и товарищи его не были арестованы. Наоборот, приезд Ленина был отпразднован самым торжественным образом.

После прощания меня усадили в сани, и в сопровождении конвоя я был обратно доставлен на шведскую границу.

Я пустился в обратный путь, прождавши три дня в Хапаранде; здесь я напрасно дожидаясь разрешения на переезд через русскую границу. Я оставался также два дня в Стокгольме, чтобы в случае телеграфного разрешения из Петрограда отправиться в Россию.

Суханов описал, как Ленина встретили в Петрограде. Встреча была достойна Ленина.

Приложение

Н. Крупская. Из эмиграции в Питер

Последнюю зиму (1916—1917 гг.) мы жили в Цюрихе. Жилось невесело. Рвалась связь с Россией: не было писем, не приезжали оттуда люди. От эмигрантской колонии — очень немногочисленной, впрочем, в то время в Цюрихе — мы держались, по заведенному обычаю, немного в стороне. Только каждый день, идя из эмигрантской столовой, забежал на минутку Гриша Усиевич, милый, погибший потом на фронте, молодой товарищ. По утрам довольно регулярно приходил к нам «племянник Землячки», сошедший с ума на почве голода большевик. Он ходил до такой степени оборванный и забрызганный грязью, что его перестали пускать в швейцарские библиотеки. Он старался поймать Ильича, чтобы что-то обсудить с ним, какие-то принципиальные вопросы, и приходил до 9 часов, пока еще Ильич не ушел в библиотеку. Так как эти интервью с сумасшедшим человеком приводили обычно к тому, что потом болело «все на свете», как выражалась одна знакомая девчурка, то мы стали уходить до библиотеки погулять вдоль озера. Мы нанимали комнату в швейцарской рабочей среде. Комната была не очень целесообразная. Старый мрачный дом, постройки чуть ли не XVI столетия, окна можно было отворять только ночью, так как в доме была колбасная и со двора нестерпимо несло гнилой колбасой. Можно было, конечно, за те же деньги получить гораздо лучшую комнату, но мы дорожили хозяевами. Это были заправские рабочие, ненавидевшие капитализм, инстинктивно осуждавшие империалистическую войну. Квартира у нас была поистине «интернациональная»: в двух комнатах жили хозяева — по профессии столяр и сапожники, в одной — жена немецкого солдата-булочника с детьми, в другой — какой-то итальянец, в третьей — австрийские актеры, с изумительной рыжей кошкой, в четвертой — мы, россияне. Никаким шовинизмом не пахло, а однажды во время того, как мы с хозяйкой поджаривали в кухне на газовой плите каждая свой кусок мяса, хозяйка возмущенно воскликнула: «Солдатам надо обратить оружие против своих правительств!» После этого Ильич и слышать не хотел о том, чтобы менять комнату, и особо ласково раскланивался с хозяйкой.

К сожалению, швейцарские социалисты были настроены менее революционно, чем жена рабочего. В. И. попробовал одно время повести работу в интернациональном масштабе. Стали собираться в небольшом кафе на ближайшей улочке. Несколько русских и польских большевиков, швейцарские социалисты, кое-кто из немецкой и итальянской молодежи. На первое собрание пришло что-то около 40 человек. Ильич изложил свою точку зрения на войну, на необходимость осудить вождей, изменивших делу пролетариата, излагал программу действий. Иностранная публика, хотя собрались интернационалисты, была смущена решительностью Ильича. Помню речь одного представителя швейцарской молодежи, говорившего на тему, что стену нельзя пробить лбом. Факт тот, что наши собрания стали таять, и на четвертое собрание явились только русские и поляки. Пошутили и разошлись по домам. Впрочем, к этому времени относится возникновение более тесной связи с Фрицем Платтенем и Вилли Мюнценбергом.

Помнится мне одна сцена из несколько более позднего времени. Забредли мы однажды в другую, более фешенебельную часть Цюриха и неожиданно наткнулись на Нобса, редактора цюрихской социалистической газеты, ходившего тогда в левых. Нобс, завидя Ильича, сделал вид, что хочет сесть в трамвай. Ильич все же захватил его и, крепко держа за пуговицу, стал излагать свою точку зрения на неизбежность мировой революции. Комична была фигура, не знавшего как улизнуть от неистового русского, левого оппортуниста Нобса, но фигура Ильича, судорожно сжимавшего пуговицу Нобса и стремившегося его распропагандировать, показалась мне трагической. Нет выхода колоссальной энергии, гибнет безвестно бесконечная преданность трудящимся массам, ни к чему ясное осознание совершающегося...

Почему-то вспомнился мне белый северный волк, которого мы видели с Ильичем в лондонском зоологическом саду и долго стояли перед его клеткой. «Все звери с течением времени привыкают к клетке: медведи, тигры, львы, – объяснил нам сторож. – Только белый волк с русского севера никогда не привыкает к клетке – и день и ночь бьется о железные прутья решетки».

Разве пропагандировать Нобса не значило биться о прутья решетки...

* * *

Мы собирались уходить в библиотеку, когда пришел тов. Вронский и рассказал нам о Февральской революции. Ильич как-то растерялся. Когда Вронский ушел и мы несколько опомнились, мы пошли к озеру, где под навесом каждый день расклеивались все швейцарские газеты. Да, телеграммы говорили о революции в России.

Ильич метался. Он попросил Вронского разузнать, нельзя ли как-нибудь через контрабандиста пробраться через Германию в Россию. Скоро выяснилось, что контрабандист может довести только до Берлина. Кроме того, контрабандист был как-то связан с Парвусом, а с Парвусом, нажившимся на войне и превратившимся в социал-шовиниста, В. И. никакого дела иметь не хотел.

Надо искать другого пути. Какого? Можно перелететь на аэроплане, не беда, что могут подстрелить. Но где этот волшебный аэроплан, на котором можно донестись до делающей революцию России?

Ильич не спал ночи напролет. Раз ночью говорит: «Знаешь, я могу поехать с паспортом немого шведа». Я посмеялась. «Не выйдет, можно во сне проговориться. Приснятся ночью кадеты, будешь сквозь сон говорить: сволочь, сволочь. Вот и узнают, что не швед».

Во всяком случае, план ехать с паспортом немого шведа был более осуществим, чем лететь на каком-то аэроплане. Ильич написал о своем плане в Швецию Ганецкому. Но из этого, конечно, ничего не вышло.

Когда выяснилось, что при помощи швейцарских товарищей можно будет получить пропуск через Германию, Ильич сразу взял себя в руки и старался обставить дело так, чтобы ничто не носило характера самомалейшей сделки не только с германским правительством, но и с немецкими социал-шовинистами, старался все юридически оформить. Шаг был смелый не только потому, что грозила клевета, обвинение в измене отечеству, но и потому, что не было никакой уверенности, что Германия действительно пропустит, не интернирует большевиков. Потом, следом за большевиками, двинулись тем же путем и меньшевики и другие группы эмигрантов, но сделать первый шаг никто не решался.

Когда пришло из Берна письмо, что дело улажено и можно двинуться оттуда в Германию, Ильич сказал: «Поедем с первым поездом». До поезда оставалось два часа. Я усомнилась. Надо было ликвидировать «весь дом», возвратить книги в библиотеку, расплатиться с хозяйкой и т. п. «Поезжай один, я приеду завтра». – «Нет, поедем». «Дом» был ликвидирован, уложены книги, уничтожены письма, отобрано кое-какое бельишко и самые необходимые вещи. Мы уехали с первым поездом. Мы могли и не спешить, так как была Пасха и из-за этого вышла какая-то задержка с нашей отправкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.